

© ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020
 УДК: 613.885 (616.8-07:617.7-072.1)
 DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10210

Для корреспонденции

Каменсков Максим Юрьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории судебной сексологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
 Адрес: 119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23
 Телефон: +7 (495) 637-23-97
 E-mail: m-kamenskov@mail.ru

М.Ю. Каменсков¹, Д. Грубин², А.Ю. Яковчик¹, Д.М. Купцова¹

Международная практика применения полиграфа в отношении лиц, совершивших половые преступления Научный обзор

¹ ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

² Университет Ньюкасла, Великобритания

В научном обзоре с целью ознакомления специалистов с психофизиологическими подходами с использованием полиграфа к диагностике парафильных расстройств, оценке общественной опасности и мониторингу правонарушителей, совершивших преступления против половой неприкосновенности, кратко освещаются исторические аспекты применения полиграфических проверок в криминалистической и сексологической практике, подробно описываются технологии, используемые в США, Великобритании и России. Обосновывается необходимость применения полиграфа в рамках лечения сексуальных преступников и их супервизии после освобождения. Излагаются те проблемы, в том числе законодательные, с которыми сталкиваются специалисты-полиграфологи.

Ключевые слова: полиграф; принудительное лечение; оценка риска; сексуальные правонарушители

Для цитирования: Каменсков М.Ю., Грубин Д., Яковчик А.Ю., Купцова Д.М. Международная практика применения полиграфа в отношении лиц, совершивших половые преступления // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 80–91. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10210

Kamenskov MYu¹, Grubin D², Yakovchik AYu¹, Kuptsova DM¹

International practice of using polygraph testing for sex offenders Review

¹ V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

² Newcastle University, UK

This scientific review pursues the objective of familiarizing specialists with the psychophysiological approaches to polygraph use in diagnosing paraphilic disorders, assessing social dangerousness, and monitoring sex offenders. We briefly elucidate the historical aspects of using polygraph testing in the practice of criminalistics and sexology, submitting a detailed description of techniques used in the US, Great Britain, and Russia. We provide substantiation for the necessity of using the polygraph within the framework of sex offender therapy and supervision following their release. We deliberate on the challenges faced by the polygraph specialists, including the legislative ones.

Key words: polygraph; mandatory treatment; risk assessment; sex offenders

For citation: Kamenskov MYu, Grubin D, Yakovchik AYu, Kuptsova DM. [International practice of using polygraph testing for sex offenders]. Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2020;(2):80–91. Russian. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10210

История развития психофизиологических исследований с применением полиграфа весьма противоречива и неоднозначна как в России, так и в зарубежных странах, и вопрос о его использовании в криминалистической и медицинской практике остаётся актуальным, несмотря на его широкое распространение в Канаде, Китае, Германии, Израиле, Японии, Италии, Франции, США, Англии и во многих других странах. Россия вслед за США является крупнейшим и наиболее продуктивным пользователем полиграфа в мире [1].

Началом использования полиграфов приблизительно в том виде, как они представлены сейчас, следует считать 1933 г., когда Леонардом Килером был сконструирован профессиональный «полевой» полиграф. К 1940-м годам в США в полиции уже широко применяли полиграфическое тестирование (в 30 штатах). В последующем Американское психологическое общество провело комплексное исследование на предмет научной обоснованности и практической полезности данного метода. Было дано положительное заключение, и в результате полиграф стали широко использовать при решении задач по защите государственной и военной тайны в Центральном разведывательном управлении, Федеральном бюро расследований, Агентстве национальной безопасности, Управлении полиции и в сфере частного предпринимательства.

Лавинообразный рост числа полиграфических проверок и появление большого количества неопытных специалистов привели к дискредитации метода. Вследствие этого в 1985 г. был организован Институт полиграфа Министерства обороны США, который стал единственным учебным заведением в стране, осуществляющим подготовку специалистов для федеральных ведомств. В области применения данной технологии начал доминировать государственный сектор. В настоящее время ведущие полиграфологи страны объединены в Американскую ассоциацию полиграфологов (American Polygraph Association – APA).

Импульс развития этого метода в СССР пришёл из-за рубежа. Под руководством физиолога академика П.В. Симонова сотрудники Центральной военно-врачебной комиссии Медицинского управления Комитета государственной безопасности (КГБ) начали проводить исследования по научной обоснованности и полезности полиграфа, результаты которых были положительными [1].

В 1975 г. было создано подразделение по проведению полиграфических проверок на базе органов госбезопасности. А в 1990 г. рабочая группа органов внутренних дел рекомендовала использование данного оборудования в системе Министерства внутренних дел (МВД), что привело к совместной работе КГБ и МВД и обусловило появление двух инструкций: «Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан» (приказ МВД

№ 437 от 28 декабря 1994 г.) и «Инструкции о порядке применения органами ФСБ опроса с использованием полиграфа» (действует с марта 1993 г.). В дальнейшем проверки на полиграфе в России становятся всё более распространённым явлением и в частном секторе, что так же, как и в США, привело к его дискредитации.

На сегодняшний день полиграф широко используют криминалисты разных стран, но их заключения судами воспринимаются неоднозначно. Так, в США довольно продолжительное время опрос с использованием полиграфа (ОИП) выступал средством только оперативного полицейского расследования. Для придания результатам такого испытания доказательственного значения судебная практика не находила достаточных оснований. «Для того чтобы суды США принимали результаты таких испытаний как достоверные доказательства, – говорится в решении Верховного суда штата Пенсильвания, – нужно, чтобы с большей определённой была установлена научная надёжность и непогрешимость ОИП...» [2].

Однако судебная практика со временем эволюционировала. К 1962 г. было выработано правило, в соответствии с которым за результатами ОИП признавалась доказательная сила: *обе стороны – и обвинение, и защита – не возражают, чтобы результатам испытания был придан статус судебного доказательства*. В последующем на уровне штатов практика использования по соглашению сторон результатов полиграфических проверок в судах получила большее распространение [2].

В целом следует отметить, хотя ОИП и не получил широкого одобрения со стороны судебных органов, в некоторых штатах результаты тестирования всё-таки стали рассматривать в качестве одного из доказательств на суде.

В России после освоения методологии обследования заключения психофизиологических исследований некоторое время фигурировали в приговорах судов в качестве доказательств по делу. 24 декабря 2010 г. был предложен законопроект № 478780-5 «О применении полиграфа». Однако через 2 года (13 февраля 2012 г.) его сняли с рассмотрения, причиной чему послужило несоблюдение авторами текста правил внесения законопроекта согласно статье 105 регламента Госдумы. На текущий момент закон не принят, но положения о полиграфе регулируют другие законодательные акты Российской Федерации (РФ). Так, упоминания о применении ОИП на законных основаниях можно найти в тексте Федерального закона № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности». Документ приводит разъяснение по термину «специальное психофизиологическое исследование», которое проводится в качестве опроса, не способного нанести урон здоровью или жизни человека.

Вопрос о применении результатов полиграфических проверок судом в России был решён 3 апреля

2013 г. президиумом Верховного суда РФ. Согласно обзору кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ за второе полугодие 2012 г., пункту 5.2.1, *психофизиологические* исследования не являются доказательствами в соответствии со статьёй 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Несмотря на запрет использования результатов ОИП в качестве доказательства причастности к преступлению, применение полиграфа вполне допускается на этапе следственных действий. В результате недавно, в 2018 г., в России была утверждена Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа, которая разработана специалистами МВД и Федеральной службы безопасности России. Таким образом, полиграф продолжают применять криминалисты. А с 1970-х годов полиграф используют в медицине, в частности в сексологии при обследовании сексуальных правонарушителей.

Общее состояние проблемы

Сущность ОИП сексуальных правонарушителей заключается в фиксации изменений физиологических параметров в ответ на предъявление эротических стимулов. Обследуемый может быть подвергнут воздействию сигналов в виде вопросов, отдельных слов, фотографий, видеоизображений. При диалоговой проверке это прежде всего вопросы, на которые следует отвечать однозначно («да» или «нет»). При демонстрационной проверке используют стимулы в изобразительной форме. Одновременное предъявление визуальных и вербальных эротических стимулов значительно повышает надёжность исследования.

Вербальные стимулы делят на две основные группы: нейтральные и отражающие аспекты обследования (стимулы, связанные с сексуальной сферой). В последней группе выделяют проверочные и контрольные вопросы. Проверочные вопросы – прямые вопросы, соответствующие цели обследования, в частности диагностике парафильного расстройства. Контрольные вопросы, или вопросы сравнения, также связаны с темой обследования, но не касаются основной его цели. Однако могут быть использованы и внетемные вопросы сравнения.

Вербальные тесты включают три типа указанных вопросов: нейтральные, контрольные и проверочные. Построены они по определённому логическому принципу и относятся к наиболее популярной методике контрольных вопросов. В визуальных тестах нормативные визуальные стимулы, по сути, выступают в качестве вопросов сравнения, а девиантные – в качестве проверочных стимулов.

При психофизиологическом обследовании возможна регистрация нескольких вегетативных про-

цессов, и среди них следует отметить три основных (по их анализу судят о значимости предъявляемого стимула): изменения грудного и диафрагмального дыхания, электрической активности кожи (или кожно-гальванического рефлекса), сердечно-сосудистых показателей. Также проводят регистрацию ещё двух процессов: голосовых ответов и движения, – это необходимо для исключения артефактов и оценки латентного времени реакций в трёх вышеупомянутых каналах.

Следует отметить, что указанные вегетативные показатели подвержены влиянию множества факторов и зависят от уровня подготовки специалиста и его индивидуальных особенностей, влияния ситуационных факторов (например, судебно-следственных), функционального состояния организма и его изменения в процессе тестирования, наличия сопутствующих соматических и неврологических заболеваний, актуального психического состояния обследуемого лица, индивидуально-психологических особенностей (ригидности, тревожности, уровня внимания и т.п.), а также от трудностей отграничения сексуального возбуждения от иного (реакции на стресс, экспертную ситуацию, новизну стимула) [3, 4].

В конечном счёте всё это влияет на эффективность, обуславливая ложноположительные, ложноотрицательные и неопределённые результаты. Так, в соответствии с исследованиями P. Bersh [5], проведённого на выборке в количестве 243 человек, обвиняемых в разнородных преступлениях, истинные результаты тестирования отмечаются только в 75%. Приблизительно такие же цифры приводят D. Lykken [6] и C. Patrick с соавт. [7]: они указывают 73% истинных результатов. Несколько более высокую точность озвучивают D. Grubin и соавт. – 85% [8].

Большой процент ошибочных результатов (15–25%) связан с тем, что регистрируются достаточно нестабильные и изменяющиеся во времени физиологические процессы. Во всяком случае в сравнительно недавнем докладе Национальной академии наук (National Academy of Sciences – NAS) сообщается о высоком обвинительном уклоне данной технологии, поскольку она даёт большой процент ложноположительных результатов в экспериментальных условиях [9]. Сторонники полиграфа, как правило, пытаются оправдаться тем, что в таких условиях физиологический эффект от предъявленных вопросов несколько иной, а в реальных условиях точность проверок выше, поскольку отмечаются более яркие реакции у обследуемых вследствие наличия угрозы юридических последствий [10], с чем выразила свое согласие и NAS.

В 1986 г. APA также провела широкомасштабный анализ данных по эффективности метода: было изучено множество научных работ, касающихся использования методики контрольных вопросов при расследовании уголовных дел, и установлено, что эффективность при выявлении виновности ко-

леблется в достаточно широких пределах (75–97%) при всё-таки высоком уровне ложноположительных результатов среди невиновных [11].

Помимо проблем, связанных с оценкой точности метода, существует множество вопросов, касающихся его научной обоснованности. По замечанию отечественных авторов, естественно-научное объяснение механизмов, лежащих в основе ОИП, является одной из наиболее актуальных научных и прикладных проблем, стоящих перед мировым сообществом специалистов [12].

В настоящее время существует множество теоретических концепций (более 30), которые объясняют возникновение регистрируемых в рамках ОИП физиологических изменений в ответ на стимуляцию [13]. Так, согласно одной из них – теории угрозы наказания, лицо, подвергаемое тестированию, боится проверки, и этот страх порождает выраженные физиологические реакции в том случае, когда данное лицо отвечает ложно. Следует отметить, что испытываемый человеком страх может быть связан не только с возможностью разоблачения, но и с *возможностью ложного обвинения*, основывающегося на ошибочных результатах. Таким образом, в рамках ОИП оценивается не столько сам факт сокрытия информации, сколько эмоциональная значимость предъявляемого стимула, которая может быть обусловлена и сложившейся судебно-следственной ситуацией.

Согласно другой теории – теории активации, психофизиологические реакции, возникающие в ходе ОИП, представляют собой ориентировочный рефлекс на значимый стимул, совпадающий с неким шаблоном, хранящимся в памяти. Учитывая это, при предъявлении вопросов, связанных с сексуальной сферой, могут наблюдаться интенсивные психофизиологические изменения, представляющие собой сексуальный ориентировочный рефлекс, возникновение которого *прежде всего обусловлено высокой биологической и социальной значимостью стимулов, которые носят сексуальный контекст, а не фактом сокрытия информации*. В связи с этим в современных руководствах указывается на то, что в силу индивидуальных различий абсолютная величина физиологического ответа человека на проверочный вопрос не может быть действительным индикатором правдивости [13].

Несмотря на все имеющиеся трудности и расхождения во мнениях о применении полиграфа, на наш взгляд, нельзя категорично утверждать, что данный метод не может быть использован. В конечном счете, как и любой другой метод, он имеет свои недостатки и недоработки, а длительная криминалистическая практика его применения всё-таки доказывает его состоятельность.

Если данный психофизиологический метод сравнивать с другими, то окажется, что он им не уступает, а в некоторых случаях даже превосхо-

дит по своей точности [14]. Так, точность пенильной плетизмографии, суть которой состоит в предъявлении эротических стимулов и одновременной регистрации сексуального возбуждения посредством специального датчика, во многом зависит от характера стимуляции, и по результатам обследования отмечается достаточно большой процент неопределённых и ложноотрицательных результатов [15]. R. Blanchard и соавт. [16] также указывают на то, что чувствительность этого метода составляет всего лишь 0,61. Это свидетельствует о том, что у действительно большого процента лиц, страдающих парафилией, регистрируются ложноотрицательные результаты.

В некоторых исследованиях утверждается, что точность результатов психофизиологического тестирования на полиграфе выше, чем клиническая или психологическая диагностика, и приближается к 88% против 86 и 79% соответственно, а точность клинической диагностики, например депрессий, в соответствии с критериями DSM-IV вообще оставляет желать лучшего и составляет около 65% [14].

Таким образом, в настоящее время остаётся достаточно острой проблема практического применения полиграфа, что требует проведения дальнейших научных исследований. Однако в рамках настоящей статьи мы хотели бы остановиться не только на теоретическом осмыслении, но и на практических аспектах ОИП при обследовании сексуальных преступников в США, Англии и России.

Применение полиграфа в США

Необходимость применения полиграфа связана с тем, что, по мнению Ассоциации по лечению сексуальных преступников (Association for the Treatment of Sexual Abusers – ATSA) [11], врач не вправе полагаться на все те сведения, которые сообщаются осуждённым, поскольку многие из них скрывают имеющиеся у них переживания от окружающих их людей на протяжении многих лет и в среднем попадают в поле зрения правоохранительных органов спустя 13–16 лет с момента первого преступления. При этом огромное число противоправных девиантных актов остаётся неизвестным ни врачам, ни правоохранительным органам. Так, при анонимном опросе осуждённых сексуальных преступников оказалось, что каждый из них в среднем совершал 528 нападений в отношении 184 жертв [17]. В связи с этим ATSA настойчиво рекомендует применение полиграфа для получения объективных сведений об осуждённом, что указано и в «Практических стандартах и руководстве» [11].

В США тестирование лиц, совершивших преступления против половой свободы и неприкосновенности, проводится по строго определённым правилам. АРА, Объединённым комитетом по проверке правонарушителей (Joint Polygraph Committee

on Sex Offender Testing – JPCOT), Американской ассоциацией полицейских полиграфологов (American Association of Police Polygraphists – AAPP), а также Калифорнийской ассоциацией полиграфологов (California Association of Professional Employees – CAPE) был создан отдельный проект тестирования лиц, осуждённых за сексуальные преступления, – Post-Conviction Sex Offender Testing (PCSOT). Основная цель PCSOT – улучшение мер общественной безопасности путём введения дополнительных инструментальных методов к оценке риска и рекомендаций по лечению, разрабатываемых специалистами, обеспечивающими надзор за лицами, совершившими преступления. При этом полиграф играет критическую роль, позволяя валидизировать самоотчёты осуждённых, отслеживать их специфическое поведение и риск совершения правонарушений, определить релевантные цели лечения, что ведёт к более эффективному его планированию [18].

Обследование сексуальных правонарушителей проводится следующим образом. Непосредственно перед составлением плана лечения в рамках психофизиологического тестирования рекомендуется разрешить следующий круг вопросов: необходимо выяснить, в каком возрасте впервые было совершено противоправное деяние, количество и частоту девиантной активности, побуждения, возникающие перед нападением, и план действий в ситуации правонарушения [18]. Для этого разработано три типа полиграфических проверок.

В рамках первого тестирования («Раскрытие сексуальной истории») выясняется достоверность той информации, которая была сообщена осуждённым при клиническом интервью. Прежде всего это касается сексуального анамнеза, на сбор которого во всех его деталях отводится 3–6 месяцев. Затем на основании полученной информации формулируются вопросы и проводится тестирование.

В разработанных APA стандартах прописаны все используемые определения для описания сексуального поведения: например, что подразумевается под сексуальным контактом, применением физической силы и т.д. Все указанные аспекты обязательно обсуждаются с исследуемым на этапе предтестового собеседования. Проверочные вопросы могут касаться поведения, связанного с выбором жертвы, предпочитаемого возраста жертв, аномальных фантазий. Последний аспект достаточно важен, поскольку уменьшение девиантного фантазирования – одна из самых важных целей в программе лечения [19].

Второе полиграфическое обследование нацелено на выявление деталей того противоправного деяния, за которое правонарушитель был осуждён. Особенно это оказывается необходимым в тех случаях, когда осуждённый продолжает отрицать причастность к правонарушению или его показания

существенным образом расходятся с показаниями жертв.

Третий тип тестирования («Поддерживающее и контролирующее обследование») нацелен на выявление комплаентности с общественной супервизией и терапевтическими требованиями. В этом случае ведущий врач и супервизор (как правило, офицер) совместно разрабатывают интересующие их темы и ставят соответствующие вопросы.

Подобное периодическое тестирование особое значение приобретает при условно-досрочном освобождении, поскольку проверочными темами могут выступать, например, нахождение бывшего осуждённого наедине с несовершеннолетним, оставленным без присмотра, а также употребление психоактивных веществ, что является одним из факторов повторного совершения преступления.

Во всех трёх типах APA рекомендует проводить тестирование в формате многотемного скрининга, где структура теста построена таким образом, что проверочные вопросы идут друг за другом, а вопросы сравнения исключаются из теста. Реакции по своей выраженности сравниваются друг с другом, и дальнейший математический анализ предполагает вычисление системности реакций на каждый вопрос, после чего делается вывод о значимости конкретных проверочных тем. Если значимые психофизиологические реакции на один или несколько вопросов обнаружены, то по возможности проводится дополнительное тестирование в формате одното темного скринингового теста, где применяются вопросы сравнения и полученные реакции сравниваются между проверочной и контрольной темами.

Проведённые исследования показали, что применение полиграфа в структуре лечения сексуальных правонарушителей имеет ряд положительных моментов [11, 17, 18, 20]. После прохождения обследования осуждённые более охотно раскрывали свои переживания, касающиеся девиантных предпочтений: сообщали об аномальных эротических фантазиях и их частоте, о формах половой активности с жертвами, предпочтениях по полу и возрасту, просмотре порнографических материалов. Более того, осуждённые начинали говорить о тех формах половой противоправной активности, о которых они ранее не сообщали правоохранительным органам. Всё это позволяло откорректировать план лечения и наблюдения после освобождения из мест лишения свободы, а также оценить наличие факторов риска, предрасполагающих к повторному правонарушению.

В целом считается, что использование полиграфических проверок в процессе лечения является надёжным инструментом, способствуя реабилитации и реинтеграции правонарушителя в общество и позволяя разработать индивидуальный план ограничительных мероприятий во время нахождения на свободе [11].

Однако приведённые данные отражают мнение только специалистов. На наш взгляд, необходимо указать и отношение самих осуждённых к проверкам на полиграфе, проводимым в рамках лечебных мероприятий и супервизии. В этой связи наиболее любопытно исследование R. Kokish и соавт. [21]: при проведении 333 психофизиологических исследований 95 сексуальным преступникам 90% были согласны с результатами проверки на полиграфе. Большая часть обследованных (72%) заявили о том, что применение полиграфа с успехом позволяет достичь целей лечения и соблюдать терапевтические требования, а также быть более откровенным с лечащим врачом. Подобные исследования проводились и в последующем. В них также отмечено, что осуждённые положительно оценивали роль полиграфических проверок. Кроме того, полиграф оказывал дисциплинарное воздействие, позволяя сексуальному правонарушителю более ответственно подходить к контролю собственных аномальных побуждений уже во время нахождения на свободе.

Указанные данные должны заставить противников полиграфа если не пересмотреть, то во всяком случае смягчить свои позиции: если и врачи, и инспекторы, осуществляющие супервизию, и осуждённые, прошедшие психофизиологическое обследование, считают полиграф полезной и необходимой частью лечебного процесса и процесса интеграции в общество, то к проведению такого рода проверок не должно быть препятствий с учётом соблюдения всех методологических и методических требований к тестированию.

Подводя итог краткого обзора применения полиграфа в США, хотелось бы отметить, что в последние годы ОИП успешно применяют не только среди взрослых сексуальных преступников (приблизительно в 70% случаев) [22], но также при лечении заключённых-подростков [23], влияя на показатели рецидивности: при использовании полиграфа было отмечено снижение несексуальных и насильственных сексуальных преступлений среди пациентов по сравнению с теми правонарушителями, которые проходили принудительное лечение и супервизию без полиграфических проверок [24, 25].

Тем не менее в применении полиграфа в США есть существенный минус: данная технология используется скорее как некая дисциплинарная (своего рода «лассо») и даже обличительная мера. В связи с этим в США нередко возникают вопросы об использовании результатов тестирования в свете 5-й поправки к Конституции (часть Билля о правах человека).

Применение полиграфа в Великобритании

На рубеже веков обследование на полиграфе не имело широкого распространения в Великобритании. Только проводилось небольшое количество

частных исследований, задача которых в большей степени заключалась в определении точности метода. В то же время государство не было заинтересовано в подобных технологиях, так как они воспринимались чиновниками с недоверием. Периодически появлялись отдельные сообщения от некоторых государственных учреждений, освещающие использование полиграфа, и вряд ли можно было предположить, что дело продвинется значительно дальше.

Однако в 2014 г. два подразделения полиции Англии начали использовать полиграф на добровольных началах при работе с сексуальными преступниками, которые находятся на этапе интеграции в общество после освобождения. В последующем количество подразделений, использующих полиграф, возросло до 9, и на данный момент силовые структуры активно начали готовить своих специалистов. К концу 2019 г. более чем 2000 индивидуумов были обследованы, некоторые из них неоднократно.

В итоге на начало 2020 г. ситуация выглядит иначе. В настоящее время преступники, совершившие сексуальные правонарушения, имеющие высокий риск повторного противоправного деяния и претендующие на условно-досрочное освобождение, стали субъектами принудительного тестирования на полиграфе в Англии и Уэльсе. В дальнейшем планируется ввести принудительное тестирование правонарушителей, обвинённых в домашнем насилии, имеющих высокий риск совершения повторного деяния и находящихся на условно-досрочном освобождении. Кроме того, изучается ряд других возможностей применения полиграфа, в том числе в судебных больницах.

Рост использования полиграфа в Англии и Уэльсе (не в Шотландии и Северной Ирландии) начался не без противодействий. Но многого удалось добиться благодаря тому, что были приняты меры для создания доказательной базы, разработана политика на основе этих доказательств, а также уделено пристальное внимание подготовке экспертов-полиграфологов и контролю качества их работы.

Хотя корни тестирования уходят к обследованию сексуальных преступников на полиграфе, проводимым в США в 1990-х годах (PCSOT, см. выше), оно по многим аспектам отличается, избегая тех трудностей, с которыми сталкивались американские полиграфологи. Учитывая потенциальные преимущества использования PCSOT, правительство Великобритании согласилось поддержать небольшое исследование для оценки экономической целесообразности данной методики. В результате было привлечено более 100 сексуальных правонарушителей, которые принимали участие в трёх различных лечебных программах, но только 32 из них согласились пройти тестирование на полиграфе. Врачи, занимавшиеся лечением осуждённых, за-

явили, что не ожидали значительных результатов от обследований, так как считали, что у их пациентов отмечается положительная динамика и осуждённым нечего скрывать. Несмотря на это в процессе исследования все тестируемые, кроме одного, раскрыли о себе ту информацию, которая до этого не была известна их супервизорам и руководителям лечения [26].

Результатом этого исследования стала разработка более масштабного проекта. В нем приняло участие 350 обвиняемых из 10 испытательных участков, в которых использовался полиграф. Они сравнивались со 180 обвиняемыми из других участков, где полиграф не был представлен. Уровень охвата правонарушителей составил чуть более 40%. Согласно данным этого исследования, приблизительно в 50% предъявленных тестов был обнаружен обман, а в 70% раскрыта новая информация. Причём в группе сравнения только 15% респондентов сообщали о себе новую информацию. Более 90% сотрудников службы и лечебных представителей посчитали, что данные проверок улучшили работу с правонарушителями и позволили лучше их контролировать [27].

Это стало поводом для написания «Закона об управлении правонарушителями» от 2007 г., который позволил бы проводить принудительное исследование на полиграфе лицам, совершившим преступления на сексуальной почве. Но принятие этого закона также зависело от другого исследования, в которое в основную группу было включено более 300 случаев. Дальнейшая независимая оценка проводилась Министерством юстиции, которым были получены положительные результаты, схожие с вышеупомянутыми [28]. В связи с этим последовала национальная реализация закона.

Законодательство достаточно чётко регламентирует тестирование (так называемые правила полиграфа), устанавливая принципы исследования. Нужно отметить и такую особенность: оно запрещает использование в судебном процессе данных, полученных на полиграфе. Однако раскрытие негативной информации может послужить основанием для обвинения в преступлении, или быть воспринято как нарушение режима нахождения на условно-досрочном освобождении и стать причиной возвращения в тюрьму, или же привести к дальнейшим внесудебным расследованиям.

В настоящее время ряд полицейских подразделений использует ОИП для наблюдения за лицами, совершившими сексуальные преступления, а также для оценки риска лиц, арестованных, но ещё не осуждённых за преступления, совершённые в интернете. Это помогает принятию решения о степени контроля над преступником, а также о целесообразности его исключения из реестра лиц, совершивших преступления на сексуальной почве (в список таких лиц также включена инфор-

мация об их месте жительства, перемещениях, банковских счетах).

Учитывая особый надзор, осуществляемый за сексуальными преступниками, в Англии и Уэльсе широко используют сопроводительный скрининговый тест, в который, как правило, включено 3 или 4 конкретных вопроса, касающихся поведения, связанного с изменением уровня риска преступника, и асоциального поведения.

Существует три варианта развития событий в зависимости от результатов проверки. Во-первых, если в ходе обследования не обнаруживают признаков асоциального поведения и не регистрируют значимых физиологических ответов, то это расценивают как положительную динамику. Во-вторых, если во время проверки обнаруживают существенные физиологические изменения на вопросы, но не выявляют новой негативной информации об обследуемом, эти факты рассматривают как некое предостережение, указывающее на то, что в процессе супервизии было что-то упущено. Однако эти данные не могут рассматриваться в отрыве от результатов других исследований. В-третьих, если о человеке обнаруживают новую негативную информацию, в зависимости от её содержания могут быть приняты разные санкции.

Во всех этих случаях полиграф будет дополнять то, что уже известно об индивидууме, способствовать принятию решения в рамках планирования лечения и управления рисками и предотвращать повторное совершение преступления.

Несмотря на то что тестирование на полиграфе сейчас является неотъемлемой частью наблюдения за сексуальными преступниками, оно не включено в программу лечения, как, например, в США. На это существует ряд причин, но основными, по-видимому, являются нехватка ресурсов (финансирования), сложность их добавления в установленные протоколы и убеждение некоторых в том, что, хотя полиграф уже хорошо зарекомендовал себя для наблюдения за преступниками, его эффективность в лечении ещё нужно доказать.

Также ОИП иногда используют и в судебно-медицинских учреждениях для уточнения анамнеза пациентов и получения дополнительной информации о существующих сексуальных фантазиях и поведении. Однако врачам, работающим в области психического здоровья, только предстоит принять этот психофизиологический метод на вооружение. Причины этого, скорее всего, опять-таки стоимость и недостаток осведомлённости. Также существует мнение, что тестирование может стать помехой комплаенсу. Тем не менее в действительности нет никаких предпосылок к этому, а существующие доказательства говорят об обратном: по мнению многих правонарушителей, тестирование было для них полезным [29]. В результате упускается из виду то, что полиграфическая проверка даёт

правонарушителям и пациентам возможность продемонстрировать заинтересованность в лечении.

Кроме того, упускаются и другие аспекты применения полиграфа в лечении сексуальных преступников. Так, тестирование в этих случаях может фокусироваться на определённых видах аномального поведения, в частности на мастурбаторной активности, сопровождающей аномальное эротическое фантазирование. Использование ОИП в этом ключе позволяет понять, насколько человек способен контролировать своё парафильное влечение, учитывая, что среди преступников достаточно широко распространено нежелание сообщать о себе подобную информацию. В то же время полиграфическое исследование способствует её раскрытию, что позволяет сделать процесс лечения парафилии целенаправленным и обеспечить контроль как во время лечения, так и при наблюдении.

Безусловно, иметь парафильные фантазии не является преступлением, однако увеличение частоты мастурбаций во время фантазирования может свидетельствовать о повышенном риске повторного опасного деяния. В конце концов, цель PCSOT – предотвратить преступление, а не «поймать» преступника после того, как он уже совершил правонарушение.

Таким образом, несмотря на доказательства эффективности тестирования на полиграфе, сохраняется оппозиционное отношение к исследованию, иногда основанное на неправильном понимании того, как работает метод, а также на давно утвердившемся недоверии, которое не так легко развеять. Ведь тестирование – это не отдельная часть лечения или надзора, а только компонента целого комплекса мероприятий, в связи с чем полиграф иногда называют «одним из инструментов в ящике для инструментов». Но, как и любой инструмент, если он используется неправильно, он может причинить вред. Более подробное описание базовых принципов, лежащих в основе полиграфического тестирования, можно найти в соответствующей публикации [30].

Вместе с тем следует отметить, что частота ошибочных результатов ОИП при условии соблюдения всей методологии обследования составляет 10–20% [31]. Из-за этого в Великобритании на основании полученных данных не принимаются никакие окончательные меры – отзыв в тюрьму или судебное преследование за нарушение «Постановления о предотвращении сексуального вреда».

Однако это несколько не умоляет применение полиграфа для дальнейшего расследования. Ведь проведение успешного тестирования – это больше, чем добавление разных компонент и формулирование вопросов. Экзаменатор должен убедиться, что все зарегистрированные реакции вызваны значимостью предъявляемой темы, а не рядом других факторов, должно быть проведено длительное пред-

тестовое интервью, контрольные вопросы должны быть сформулированы правильно, полиграммы оценены корректно, а результаты проинтерпретированы соответствующим образом, что требует хорошей подготовки. В Великобритании это достигается силами полиции и службами, работающими по согласованным протоколам: обязательное тестирование регламентировано нормативными актами, которые регулируют проведение полиграфических сессий и устанавливают требования, которым должны соответствовать экзаменаторы. К сожалению, в Великобритании, как и в РФ, в частной практике такого регулирования не существует.

Применение полиграфа в России

В настоящее время полиграф пока ещё не нашёл широкого распространения в российской медицинской практике. Однако первые попытки его практического использования можно отнести ещё к 1950–1960-м годам. В этом плане наиболее любопытны исследования Н.Д. Лакошиной [32] и Я.Е. Свириновского [33].

Н.Д. Лакошина [32], учитывая связь кожно-гальванического рефлекса (КГР) с эмоциями, анализировала особенности КГР у больных с бредом и галлюцинациями в обычных условиях, при диссимуляции и симуляции галлюцинаторно-бредовой симптоматики здоровым контингентом. Во время обследования регистрировали только КГР, возникающий в ответ на предъявление вопросов, содержание которых раскрывало тот или иной психопатологический феномен. Проведённые исследования позволили сделать вывод, что у больных с параноидным синдромом беседа на тему, связанную с их бредом, закономерно вызывает увеличение КГР, и это не зависело от того, высказывал больной бред или диссимулировал его. При симуляции не наблюдалось увеличения КГР при беседе о предъявляемых обследуемыми состояниях. В ходе лечения при появлении полного критического отношения к бреду величина КГР резко падала. Данное исследование примечательно тем, что оно демонстрирует независимость вегетативных реакций от самого факта сокрытия психопатологических переживаний или их симуляции, то есть обмана, а связано именно с наличием данных переживаний.

Похожее исследование проводил Я.Е. Свириновский [33], который показал, что у лиц, находящихся в реактивном состоянии, обусловленном судебной следственной ситуацией, при обсуждении тем, касающихся ареста, правонарушения, предстоящего суда, бредоподобных фантазий наблюдается выраженный КГР. При исчезновении нарушений сознания, тревоги, растерянности происходило снижение реакций.

Несмотря на достаточно интересные результаты, исследования не нашли своего дальнейшего продолжения, а полученные данные не применя-

лись на практике. Каких-либо других исследований в этом направлении в доступной литературе нам не удалось обнаружить. Только спустя много лет очередные попытки применения полиграфа нашли отражение уже в сексологии. В частности, с 2001 г. в лаборатории судебной сексологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России стали использовать полиграф для диагностики расстройств сексуального предпочтения. Данный вид обследования применяется и в настоящее время.

На этапе становления использования полиграфа в тестирование были внедрены визуальные и вербальные тесты. Тест визуальной стимуляции первое время представлял из себя набор нестандартизированных эротических фотографий, на которых были запечатлены различные формы девиантных активностей и объектов. В рамках вербальной стимуляции применяли несколько тестов, нацеленных на выявление предпочтений по сексуальной активности, полу и возрасту. Все вербальные тесты были построены по методике контрольных вопросов. Полученные результаты анализировали с помощью программного обеспечения, которое позволяло оценить 12 физиологических параметров.

Последующий анализ данных показал: существенным недостатком указанных тестов было то, что они, по сути, являлись многотемными. Это обусловило высокий процент ложноположительных результатов среди лиц как с расстройствами сексуального предпочтения, так и без таковых. Так, по данным А.Ю. Хавкина [34], истинно положительный результат у лиц с парафилией отмечался в 70% случаев, ложноположительный – в 64%, а ложноотрицательный – в 9%. В группе лиц без клинических признаков парафилий ложноположительный результат регистрировали в недопустимо большом проценте случаев. Вполне вероятно, что полученные данные связаны не только с недостатками методик, но и с небольшой выборкой обследуемых.

В связи с этим в последующем было предпринято более широкомасштабное исследование [3]. В ходе него проанализированы данные с 2001 по 2006 г. более 350 подэкспертных. Использование стандартизированных методов анализа полиграмм [1], к сожалению, вынудило нас исключить из анализа более половины случаев, поскольку остальные полиграммы содержали большое количество артефактов. В результате выбраны данные 155 человек. При оценке совпадений данных психофизиологического исследования с клиническими оказалось, что коэффициент гомогенности при визуальной стимуляции составляет 0,54, при вербальной – 0,71, а обоих методов – 0,79. Проведённое исследование показало, что истинный результат среди лиц с расстройствами сексу-

ального предпочтения отмечался в 75,8%, у лиц без парафилий по-прежнему был высокий процент ложноположительных результатов при вербальной и визуальной стимуляции.

Результаты проведённого исследования позволили выделить не только противопоказания к психофизиологическому исследованию, но и сформулировать принцип интерпретации получаемых данных: *«Поскольку в ходе обследования регистрируются нестабильные физиологические показатели, а на физиологическую реактивность влияет множество внешних и внутренних факторов, то говорить о высоковероятной психофизиологической диагностике парафилий можно только в том случае, если статистически значимые реакции на девиантные стимулы выявляются не менее чем в двух тестах и превосходят реакции на контрольные вопросы (вопросы сравнения)»*.

В дальнейшем мы стали руководствоваться вышеуказанным принципом, и вербальные тесты из многотемных были модифицированы в однотемные. В рамках визуальной стимуляции мы начали применять уже стандартизированный стимульный материал, но структура теста по-прежнему оставалась многотемной. Тем не менее реакции, возникшие при визуальной стимуляции, перепроверялись однотемными вербальными тестами, что вполне допустимо и соответствует современным стандартам [35]. В настоящее время был составлен проект научного исследования, в ходе которого планируется оценить надёжность и валидность используемой методики психофизиологической диагностики парафильных расстройств. С этой целью будет проанализирован материал за 2007–2018 гг. По предварительным данным, можно отметить, что применение новых методик позволило увеличить точность метода, существенно снизив процент ложноположительных и неопределённых результатов и увеличив процент истинных результатов¹. Так, при оценке значимости психофизиологических реакций на девиантные стимулы (независимо от характера ответа обследуемого) процент истинных результатов на выборке почти из 300 человек составил 84,2, а усреднённая невзвешенная точность – 88,1%, что является достаточно хорошим показателем для психофизиологического метода и соответствует эффективности тестов, применяемых АРА [36]. Предварительно можно заключить, что используемый метод вполне состоятелен в качестве *вспомогательного диагностического инструмента*.

¹ При анализе полиграмм использовали экспертно-метрический анализ, описанный в литературе [1]. В качестве набора параметров физиологического симптомокомплекса были взяты следующие фиксированные показатели: выраженность волны Траубе–Геринга, амплитуда КГР, подавление дыхания (уменьшение амплитуды дыхания и/или увеличение периода дыхания за счёт апноэ или задержки дыхания).

Ещё одно медицинское учреждение в России, которое использует полиграф для диагностики и оценки эффективности лечения сексуальных правонарушителей, – ФКУ «Орловская психиатрическая больница (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением» Минздрава России. Сотрудники данного учреждения применяют и визуальные, и вербальные тесты [37]. Согласно их результатам, при обследовании лиц с педофильным расстройством до начала лечения у большинства пациентов отмечались значимые реакции на педофильные стимулы – в 90,6% случаев, что является достаточно высоким показателем. В остальных наблюдениях был получен ложноотрицательный результат. Помимо этого, у некоторых пациентов выявлялись реакции на те стимулы, которые не соответствовали самоотчёту пациентов о своих сексуальных предпочтениях (например, на садистические стимулы). Однако полученные данные не следует тут же рассматривать как некую ложноположительную ошибку, а они могут быть связаны с диссимуляцией тех расстройств сексуального предпочтения, которые не нашли своего отражения в деликтах. Это вполне согласуется с данными американских полиграфологов, представленными выше.

После курса лечения антиандрогенами пациентам с педофильным расстройством проводили повторное тестирование на полиграфе (психофармакотерапия отменялась за 3 месяца до тестирования), которое показало исчезновение реакций на девиантные стимулы в 55,8% случаев, что авторы связали с дезактуализацией парафильных переживаний.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что психофизиологическое обследование имеет большое значение для объективизации аномального сексуального влечения и позволяет подтвердить наличие эмоционально значимых переживаний девиантного характера у правонарушителей. Более того, полиграфическое тестирование расширяет клинические возможности при оценке общественной опасности лиц, страдающих педофилией, предоставляя возможность более дифференцированно решать вопросы об изменении принудительных мер медицинского характера.

Заключение

Несмотря на то что история развития психофизиологических исследований с применением полиграфа весьма противоречива и неоднозначна как в России, так и в зарубежных странах, а вопрос его использования в криминалистической и медицинской практике остаётся актуальным, тем не менее в настоящее время полиграфические проверки достаточно широко распространены и в государственном, и в частном секторе.

Хотя многие верховные суды разных стран отказываются принимать результаты психофизиологических исследований в качестве одного из доказательств в судебном процессе, практика пошла по совершенно иному пути: сторонники полиграфа разных стран отстаивают интересы данного метода, результатом чего становится разработка межведомственных инструкций, которые пытаются утвердить применение ОИП в правовом поле.

В результате усилий специалистов в США и Великобритании полиграф начали применять не только в криминалистике, но постепенно и в медицине, где ОИП стали проводить лицам, совершившим сексуальные преступления, для получения объективных сведений об осуждённом, мониторинга правонарушителей и оценки их общественной опасности.

Применение полиграфа в России в медицинских целях существенно ограничено, и данный метод используют фактически в двух учреждениях, в которых ОИП применяют в качестве дополнительного вспомогательного диагностического инструментария. К сожалению, на территории РФ ОИП не используют для оценки факторов риска повторного совершения общественно опасного деяния сексуальными правонарушителями или для их мониторинга, хотя данный аспект применения полиграфа весьма актуален ввиду роста раскрываемости половых преступлений в отношении детей. Это ставит соответствующие вопросы перед различными ведомствами, которые имеют полномочия, позволяющие им внести изменения в законодательные акты с тем, чтобы применять психофизиологические исследования не только в рамках принудительного лечения осуждённых за половые преступления, но и в процессе их супервизии после освобождения, что в конечном счете направлено на повышение безопасности общества.

Сведения об авторах

Каменсков Максим Юрьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории судебной сексологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: PИHЦ AuthorID: 499091; Scopus AuthorID: 55806669600; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-9307>; Web of Science ResearcherID: R-1771-2018

E-mail: m-kamenskov@mail.ru

Сведения об авторах

Грубин Дон – заслуженный профессор судебной психиатрии, Университет Ньюкасла (Ньюкасл, Великобритания), консультант – судебно-психиатрический эксперт Tynes & Wear NHS Trust (Камбрия, Нортумберленд, Великобритания)

Индекс: Scopus AuthorID: 7004247092

E-mail: don.grubin@newcastle.ac.uk

Купцова Дарина Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории судебной сексологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индекс: РИНЦ AuthorID: 33850520

E-mail: dary.rin@gmail.com

Яковчик Анна Юрьевна – младший научный сотрудник лаборатории судебной сексологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индекс: РИНЦ AuthorID: 3742-9448

E-mail: anna.yakovchik@mail.ru

Информация о конфликте интересов и источнике финансирования

Авторы заявили об отсутствии конфликта интересов. Научная работа инициативная, не финансируемая.

Литература

- Оглобин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль: Ньюанс, 2004. 464 с.
- Гольцов А.Т. Детектор лжи в уголовном судопроизводстве США // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 72–85.
- Каменсков М.Ю. Валидность психофизиологической диагностики парафилий // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2013. Т. 113, № 3–1. С. 39–44.
- Elaad E., Ben-Shakhar G. Effects of item repetitions and variations on the efficiency of the guilty knowledge test // Psychophysiology. 1997. Vol. 34, № 5. P. 587–596.
- Bersh P.J. A validation study of polygraph examiner judgements // Journal of Applied Psychology. 1969. Vol. 53. P. 399–403.
- Lykken D. Tremor in the blood. Uses and abuses of the lie detector // Annals of the New York Academy of Sciences. 1981. 318 p.
- Patrick C., Christopher J., Iacono W., William G. Validity of the control question polygraph test: The problem of sampling bias // Journal of Applied Psychology. 1991. Vol. 76, № 2. P. 229–238.
- Grubin D., Madsen L. Accuracy and utility of post-conviction polygraph testing of sex offenders // British Journal of Psychiatry. 2006. Vol. 188. P. 479–483.
- NAS REPORT // APA Response to the National Academy of Sciences (NAS) Report. URL: <http://www.polygraph.org/nasresponse.htm>
- Kircher J.C., Horowitz S.W., Raskin D.C. Metaanalysis of Mock Crime Studies of the Control Question Polygraph Technique // Low and human behavior. 1988. Vol. 12. P. 79–90.
- La Fond J.Q., Winick B.J. Sex offender reentry courts: a cost effective proposal for managing sex offender risk in the community // Annals of the New York Academy of Sciences. 2003. Vol. 300. P. 411–427.
- Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. № 1. С. 39–48.
- Matte F. The polygraph and lie detection. 2003. 416 p.
- Crewson P.E. A comparative analysis of polygraph with screening and diagnostic tolls // Polygraph. 2003. Vol. 32, N 2. P. 57–85.
- McPhail I.V., Hermann C.A., Fernane S. et al. Validity in Phallometric Testing for Sexual Interests in Children // A Meta-Analytic Review. 2019. Vol. 26. P. 535–551.
- Blanchard R., Klassen P., Dickey R. et al. Sensitivity and specificity of the phallometric test for pedophilia in nonadmitting sex offenders // Psychological assessment. 2001. Vol. 13. P.118–126.
- Ahlmeyer S., Heil P., McKee B., English K. The impact of polygraphy on admissions of victims and offenses in adult sexual offenders // Sexual Abuse. 2000. Vol. 12, N 2. P. 123–138.
- English K., Jones L., Patrick D., Pasini-Hill D. Sexual offender containment: use of the postconviction polygraph // Sexual Abuse. 2003. Vol. 989. P. 411–427.
- Nelson R.I. Testing the Limits of Evidence Based Polygraph Practices // Polygraph. 2016. Vol. 45, N 1. P. 74–85.
- Heil P., Ahlmeyer S., Simons D. Crossover sexual offenses // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2003. Vol. 15, N 4. P. 221–236.
- Kokish R., Levenson J.S., Blasingame G.D. Post-conviction sex offender polygraph examination: client-reported perceptions of utility and accuracy // Sexual Abuse. 2005. Vol. 17, N 2. P. 211–221.
- McGrath R.J., Cumming, G.F., Burchard B.L. Current practices and trends in sexual abuser management: The Safer Society 2002 Nationwide Survey. Brandon: Safer Society Foundation, 2003. 158 p.
- Jensen T.M., Shafer K., Roby C.Y., Roby J.L. Sexual history disclosure polygraph outcomes: do juvenile and adult sex offenders differ? // J. Interpers. Violence. 2015. Vol. 30, N 6. P. 928–944.
- McGrath R.J., Cumming G.F., Hoke S.E. et al. Outcomes in a Community Sex Offender Treatment Program: A Comparison Between Polygraphed and Matched Non-polygraphed Offenders // Sex. Abuse. 2007. Vol. 19. P. 381–393.
- Cook R., Barkley W., Anderson P.B. The Sexual History Polygraph Examination and Its Influences on Recidivism // Journal of Social Change. 2014. Vol. 6, N 1. P. 1–10.
- Grubin D., Madsen L., Parsons S. et al. A prospective study of the impact of polygraphy on high-risk behaviors in adult sex offenders // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2004. Vol. 16. P. 209–222.
- Grubin D. A Trial of Voluntary Polygraphy Testing in 10 English Probation Areas // Sexual Abuse. 2010. Vol. 22. P. 266–278.
- Gannon T.A., Wood J.L., Pina A. et al. An evaluation of mandatory polygraph testing for sexual offenders in the United Kingdom // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2014. Vol. 26. P. 178–203.
- Grubin D., Madsen L. Accuracy and utility of post-conviction polygraph testing of sex offenders // British Journal of Psychiatry. 2006. Vol. 188. P. 479–483.
- Grubin D. Treatment of Sex Offenders: Strengths and weaknesses in assessment and intervention. Polygraph testing of sex offenders // Polygraph. 2016. Vol. 45. P. 97–116.

Литература

31. DePaulo B.M., Rosenthal R. Telling lies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol. 37. P. 1713–1722.
32. Лакосина Н.Д. Кожно-гальванические рефлексy у больных с параноидным синдромом // *Проблемы судебной психиатрии*. 1959. № 8. С. 517–527.
33. Свириновский Я.Е. Исследование кожно-гальванических рефлексов у больных с психогенно-обусловленными бредоподобными фантазиями // *Проблемы судебной психиатрии*. 1961. № 10. С. 147–154.
34. Хавкин А.Ю. Комплексная диагностика нарушений сексуального предпочтения (клинико-психопатологический, психофизиологический и психологический аспекты): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.01.06 / Национальный мед.-исслед. центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского. М., 2003. 20 с.
35. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа. М., 2015. Т. 4. 224 с.
36. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа. М., 2015. Т. 1. 408 с.
37. Басинская И.А., Введенский Г.Е., Котова М.А., Леонова Д.А. Применение психофизиологического метода обследования в практике принудительного лечения психически больных с педофилией, совершивших сексуальные правонарушения // *Психическое здоровье*. 2019. № 3. С. 55–62.

References

1. Ogloblin SI, Molchanov AJu. Instrumental'naja "detekcija lzhi" (proverki na poligrafе): akademicheskij kurs. Jaroslavl'; 2004. 464 p. Russian.
2. Goltsov AT. Lie detector in US criminal justice. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2009;(4):72–85. Russian.
3. Kamenskov MY. Validity of the psychophysiological diagnosis of paraphilia. *Zh Nevrol Psikhiatr Im SS Korsakova*. 2013;113(3–1):39–44. Russian.
4. Elaad E, Ben-Shakhar G. Effects of item repetitions and variations on the efficiency of the guilty knowledge test. *Psychophysiology*. 1997;34(5):587–96.
5. Bersh PJ. A validation study of polygraph examiner judgements. *Journal of Applied Psychology*. 1969;53:399–403.
6. Lykken D. Tremor in the blood. Uses and abuses of the lie detector. New York; 1981. 318 p.
7. Patrick C, Christopher J, Iacono W, William G. Validity of the control question polygraph test: The problem of sampling bias. *Journal of Applied Psychology*. 1991;76(2):229–38.
8. Grubin D, Madsen L. Accuracy and utility of post-conviction polygraph testing of sex offenders. *British Journal of Psychiatry*. 2006;188:479–83.
9. NAS REPORT. APA Response to the National Academy of Sciences (NAS) Report. URL: <http://www.polygraph.org/nasresponse.htm>
10. Kircher JC, Horowitz SW, Raskin DC. Metaanalysis of Mock Crime Studies of the Control Question Polygraph Technique. *Low ang human behavior*. 1988;12:79–90.
11. La Fond JQ, Winick BJ. Sex offender reentry courts: a cost-effective proposal for managing sex offender risk in the community. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2003;300:411–27.
12. Kholodny Yul. Interview with the use of a polygraph and its natural sciences. *Zhurnal Vestnik kriminalistiki*. 2005;(1):39–48. Russian.
13. Matte F. The polygraph and lie detection. 2003. 416 p.
14. Crewson PE. A comparative analysis of polygraph with screening and diagnostic tolls. *Polygraph*. 2003;32(2):57–85.
15. McPhail IV, Hermann CA, Fernane S, et al. Validity in Phallometric Testing for Sexual Interests in Children. *A Meta-Analytic Review*. 2019;26:535–51.
16. Blanchard R, Klassen P, Dickey R, et al. Sensitivity and specificity of the phallometric test for pedophilia in nonadmitting sex offenders. *Psychological assessment*. 2001;13:118–26.
17. Ahlmeyer S, Heil P, McKee B, English K. The impact of polygraphy on admissions of victims and offenses in adult sexual offenders. *Sexual Abuse*. 2000;12(2):123–38.
18. English K, Jones L, Patrick D, Pasini-Hill D. Sexual offender containment: use of the postconviction polygraph. *Sexual Abuse*. 2003;989:411–27.
19. Nelson RI. Testing the Limits of Evidence Based Polygraph Practices. *Polygraph*. 2016;45(1):74–85.
20. Heil P, Ahlmeyer S, Simons D. Crossover sexual offenses. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2003;15(4):221–36.
21. Kokish R, Levenson JS, Blasingame GD. Post-conviction sex offender polygraph examination: client-reported perceptions of utility and accuracy. *Sexual Abuse*. 2005;17(2):211–21.
22. McGrath RJ, Cumming GF, Burchard BL. Current practices and trends in sexual abuser management: The Safer Society 2002 Nationwide Survey. Brandon; 2003. 158 p.
23. Jensen TM, Shafer K, Roby CY, Roby JL. Sexual history disclosure polygraph outcomes: do juvenile and adult sex offenders differ? *J Interpers Violence*. 2015;30(6):928–44. DOI: 10.1177/0886260514539766
24. McGrath RJ, Cumming GF, Hoke SE, et al. Outcomes in a Community Sex Offender Treatment Program: A Comparison Between Polygraphed and Matched Non-polygraphed Offenders. *Sex Abuse*. 2007;19:381–93. DOI: 10.1007/s11194-007-9058-z
25. Cook R, Barkley W, Anderson PB. The Sexual History Polygraph Examination and Its Influences on Recidivism. *Journal of Social Change*. 2014;6(1):1–10. DOI: 10.5590/JOSC.2014.06.1.01
26. Grubin D, Madsen L, Parsons S, et al. A prospective study of the impact of polygraphy on high-risk behaviors in adult sex offenders. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2004;16:209–22.
27. Grubin D. A Trial of Voluntary Polygraphy Testing in 10 English Probation Areas. *Sexual Abuse*. 2010;22:266–78.
28. Gannon TA, Wood JL, Pina A, et al. An evaluation of mandatory polygraph testing for sexual offenders in the United Kingdom. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2014;26:178–203.
29. Grubin D, Madsen L. Accuracy and utility of post-conviction polygraph testing of sex offenders. *British Journal of Psychiatry*. 2006;188:479–83.
30. Grubin D. Treatment of Sex Offenders: Strengths and weaknesses in assessment and intervention. *Polygraph testing of sex offenders*. *Polygraph*. 2016;45:97–116.
31. DePaulo BM, Rosenthal R. Telling lies. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979;37:1713–22.
32. Lakosina ND. Skin-galvanic reflexes in patients with paranoid syndrome. *Problemy sudebnoy psikiatrii*. 1959;(8):517–27. Russian.
33. Svirinovsky YE. The study of skin-galvanic reflexes in patients with psychogenic-caused delusional fantasies. *Problemy sudebnoy psikiatrii*. 1961;(10):147–54. Russian.
34. Khavkin AYu. Kompleksnaya diagnostika narusheniy seksual'nogo predpochteniya (kliniko-psikhopatologicheskij, psikhofiziologicheskij i psikhologicheskij aspekty) [PhD thesis]. [Moscow (Russia)]: National'ny I meditsinskiy issledovatel'skiy tsentr psikiatrii I narkologii imeni VP Serbskogo [National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after VP Serbsky]; 2003. 207 p. Russian.
35. Pelenitsin AB, Soshkin AP. Modern technologies of using polygraph. Moscow; 2015. Т. 4. 224 p. Russian.
36. Pelenitsin AB, Soshkin AP. Modern technologies of using polygraph. Moscow; 2015. Т. 1. 408 p. Russian.
37. Basinskaya IA, Vvedenskij GE, Kotova MA, Leonova DA. Application of the psychophysiological method of examination in the practice of compulsory treatment of mentally ill people with pedophilia who have committed sexual offenses. *Psihicheskoe zdorov'e*. 2019;3:55–62. Russian.